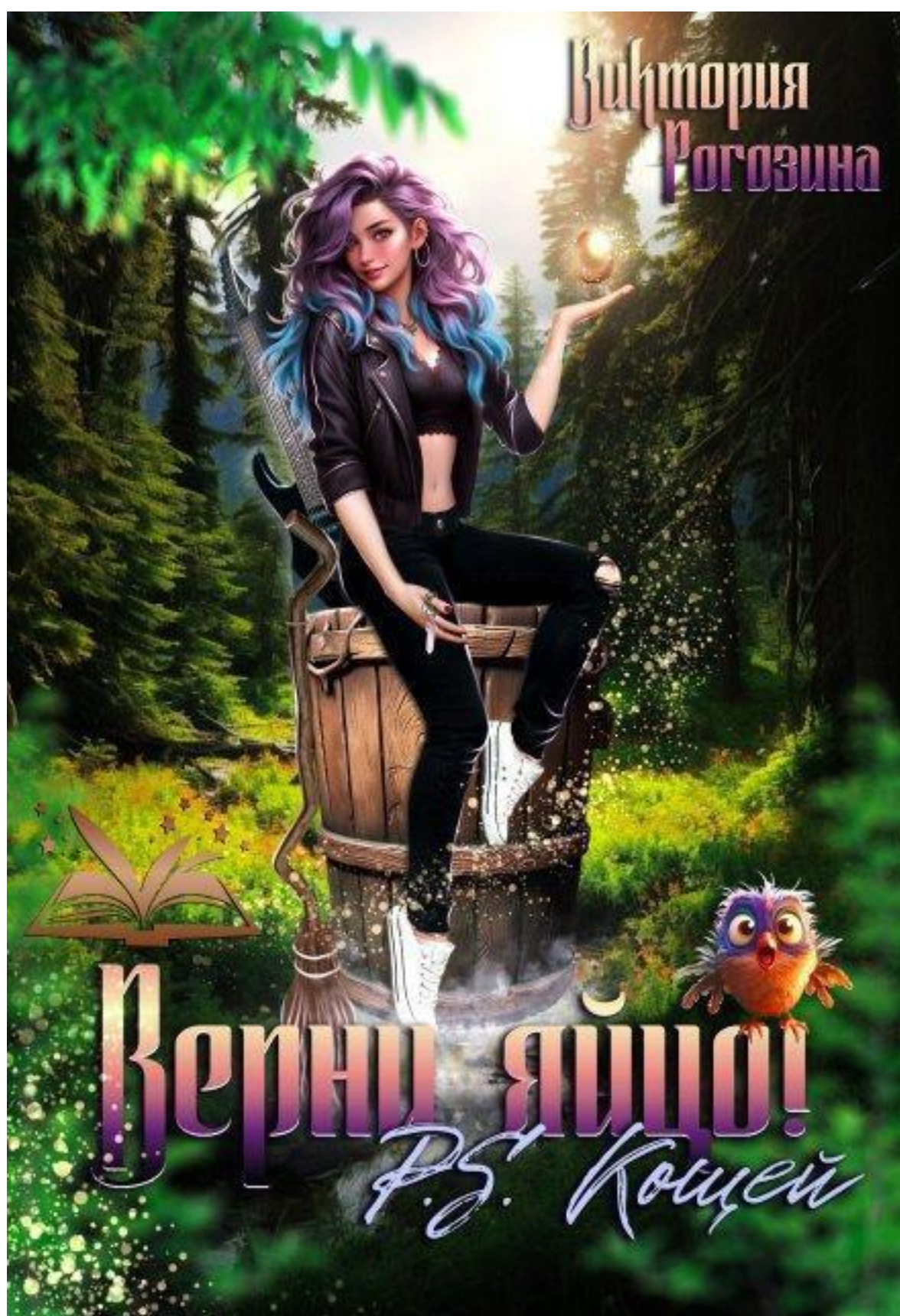

Виктория
Рогозина

Верни яйцо!
P.S. Коцей

Виктория Рогозина
Верни яйцо! P.S. Кощей

«Литнет»

2025

Рогозина В.

Верни яйцо! Р.С. Кощей / В. Рогозина — «Литнет», 2025

Если ведьма решила стать счастливой, то её ничто не остановит. Даже Кощей Бессмертный. Я — Баба Яга. Ужасная, но не страшная. Однако всё пошло наперекосяк, когда меня вернули в Белогорье. Теперь я — ведьма по контракту. Колдовство — строго по расписанию, советы — по заявке, бессмертие — по желанию. Но кое-что у меня всё же осталось из старой жизни. Маленький ломик в рукаве — яйцо. То самое, что хранит смерть самого Кощей. А он только улыбается и твердит, что я всё равно стану его женой. Уверен, что никуда не денусь. Ну-ну. Пусть думает. Пока я варю зелья, колдую на полставки и налаживаю личную жизнь, кое-кто может и не заметить, кто-то рискует остаться... без Бессмертия. Ведь если ведьма хочет быть счастливой — она такой и будет. В книге есть: Вынужденный брак От ненависти до любви Интриги Сказочные персонажи

© Рогозина В., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

Сидела женщина скучала. С этого и начались мои неприятности. Именно так думала я, находясь в лесу в полночь с лопатой. А что? Разве у вас такого не бывало? Странно. Так, ладно, надо успокоиться, обнять берёзу, почувствовать силу земли-матушки и...встретить Кощей?! Да, моё везение на высоте.

Ах да, забыла представиться. Непруха, количество одна штука. Но если серьёзно, то в паспорте написано Прасковья Непруха, но по имени меня редко называют, поэтому... Ах, эти сантименты. Я ведьма в фиг знает каком поколении (я не уточняла, лень было...или забыла). По должности я Баба Яга. Ага, та самая страшная старушка. Но я не старушка, мне всего-то сорок лет, молодость.

Но из сказки я сбежала еще в юности, когда меня захватил дух бунтарства и...глупости. И вот теперь посреди тайги я провожу очередной ритуал по изгнанию нечисти (одной и вполне конкретной), а для этого всего-навсего нужно зарыть один очень интересный предмет, который достался мне по наследству.

Как только я закопала амулет, в который запечатала всю негативную энергию, и закинула лопату на плечо, раздался голос:

— Вот это удача, — произнёс кто-то с таким бархатистым, мягким баритоном, что меня мгновенно окатило волной мурашек.

Я резко обернулась... и чуть не уронила лопату себе на ногу. Он стоял метрах в пяти, скрестив руки, как будто наблюдал за мной уже давно. Высокий, стройный, с идеальной осанкой и каким-то опасно-медленным достоинством. Его волосы цвета вороньего крыла были слегка растрёпаны, как у рок-звезды после концерта. На глаза надвинуты очки с красными стёклами — совершенно бессмысленные в полночной темноте, но, как я поняла, не для него. Чёрный костюм сидел на нём, как литой: приталенный пиджак, алый жилет и рубашка оттенка свежей крови, чёрный галстук с зажимом, перчатки... Даже платок в нагрудном кармане был подобран идеально.

На запястье поблёскивали дорогие часы, в ухмылке — спокойная уверенность, граничащая с наглостью. И при всём этом — да, черт побери, он был красив. До возмутительного, нечестного безобразия красив.

Я сглотнула и, стараясь, чтобы голос не дрожал, процедила:

— Кощей...

— Бессмертный, — любезно подсказал он. — Рад, что ты меня помнишь. А я вот скучал. Правда. Так редко встречаешь ведьму, которая добровольно роется в земле в полночь.

Я опустила лопату.

— Ты следил за мной?

Он пожал плечами:

— Назовём это... профессиональным интересом. Ты только что запечатала амулет, верно? Прекрасно. Мне как раз нужен он.

— Поздно, — сквозь зубы прошептала я. — Он в земле. И ты его не получишь.

Кощей шагнул ближе, и в его улыбке блеснуло что-то хищное:

— Вот и начнём переговоры. Только давай без этой... — он мотнул подбородком в сторону лопаты. — ...агрессии. Хотя, честно говоря, ты с ней — особенно очаровательна.

Я знала, что влипла. Вопрос был только в том — насколько сильно.

Сделав шаг вперёд, я перехватила лопату двумя руками — крепко, по-настоящему. Словно это была не просто ржавая совковая подруга, а меч-артефакт древних времён. Сердце глухо бухало в груди. Я не знала, зачем ему понадобился амулет — может, чтобы вернуть себе часть утраченной силы, может, просто из принципа, как коллекционер редкостей. Но я точно

знала одно — сталкиваться с Кощеем мне никак не хотелось. Да и вообще это не очень хорошая примета.

На то были весьма веские причины. Во-первых, он был моей причиной свалить из Белогорья. Именно он, с его вечными интригами, теми взглядами и намёками, от которых моя ведьмовская натура начинала подёргиваться нервным тиком. Во-вторых, он злодей. Официально. Печатами, архивами, детскими сказками и магическими реестрами признанный. И никто ещё не выходил из сотрудничества с ним сухим — в лучшем случае мокрым по пояс и с белыми, ну то есть седыми, волосами. В-третьих, вместе с магией по наследству мне досталась вещь. Не просто безделушка, а его личная вещь, с помощью которой можно было да, уничтожить Кощея. О чём я долгое время успешно забывала... пока он снова не объявился. И если он знает об этом — мне конец. Не в поэтическом смысле. В прямом. Пламенный. Или ледяной. Он умеет по настроению.

А в-четвёртых... Я не успела додумать. Потому что Кощей, с совершенно непрощённой нежностью в голосе, сам озвучил этот пункт:

— Как жаль, что ты сорвала помолвку.

Я чуть не выронила лопату.

— Помолвку?.. — переспросила глухо.

— Да-да, — кивнул он, глядя на меня поверх очков, будто разглядывал сквозь душу. — Тебя ведь растили как будущую жену злого темнейшества. Меня, если быть точным.

Я молчала, потому что приличных слов в словарном запасе не хватало. Хотя сейчас, в свои сорок, если подумать... Может, это был не самый худший брак. По крайней мере, у него были стиль и чувство цвета.

Кощей сделал ещё один шаг вперёд. Его аромат — пряный, дорогой, с примесью чего-то опасного и магического — ударил в нос. Я сжала лопату покрепче и приготовилась врезать ему по репутации, если подойдёт ещё ближе.

Но вдруг... из леса вывалились двое. Обычные смертные. Мужики, лет по сорок с хвостиком, в спортивных куртках и с бутылкой в руках. Видимо, ехали ночной маршруткой и решили выйти по малой нужде, а заодно и костёрчик бы не прочь развести. Один из них замер, уставившись на нас:

— Вася, ты это видишь? Там... это... ведьма с лопатой и... вампир какой-то.

— Это шо, ролевики?

Мы замерли. Кощей — с приподнятой бровью, я — с занесённой лопатой. Ситуация была настолько сюрреалистична, что даже комментировать не хотелось.

Всё, что мне оставалось — тихо прошептать:

— Как же мне везёт... как утопленнику.

А Кощей, конечно, улыбнулся — спокойно, уверенно, будто сейчас он не просто Кощей, а актёр в чёрной комедии, получающий удовольствие от каждой сцены.

— Похоже, наш уикенд будет насыщенным, Прасковья.

14 захватывающих историй, которые никого не оставят равнодушными!

Повзрослев, ты перестаёшь верить в сказку. А что, если она окажется реальной? Но всё будет уже не так волшебным, как в книге...

Литишоу "Реа"

Перезапусти сказку

Найти все истории литмоба можете по тегу *литмоб_реальная_сказка*

Глава 2

Детство моё прошло в Белогорье — том самом, где сказка не кончается, а только начинает крутиться новыми витками. Рядом со мной всегда была прабабушка Глафира, великая и ужасная Баба Яга. Ну... на бумаге ужасная. А на деле — добрая душа.

Нет, правда. Никого она в печи не жарила, на летающей ступе в магазин за мукой не гоняла, а избушка у неё и правда была — не на курьих ножках, но очень даже уютная. Там пахло сушёными травами, липовым мёдом и вареньем из одуванчиков.

Глафира Платоновна занимала пост Бабы Яги почти сто лет — лечила, зелья варила, помогала несчастным сердцам найти друг друга, детей колыбельными успокаивала, а уж сколько свадеб на ней держалось — и не сосчитать. В баньке попариться давала, напоила, накормила, обогрела, а если надо — проклятие снимет, сглаз отведёт и родовой амулет почистит. Люди к ней тянулись, хоть и побаивались.

Когда пришло моё время, она передала мне дар. Передала с такой нежной верой, будто бы я — достойная наследница великой ведьминой линии, хранительница древнего.

Я... не оправдала. Не потому что злая. Просто... хотелось большего. Мир посмотреть. Почувствовать, что там — за пределами чаромутного леса и сторожевых границ Белогорья. Я всегда была немного не в себе, в хорошем смысле. Любопытная до безобразия.

Так что я однажды открыла портал. Да, в одиночку, без разрешения Совета. И шагнула в другой мир. Мир, где магии нет — но в неё почему-то все верят.

Москва.

Громкий, сверкающий муравейник. Меня там чуть не сбила маршрутка, в аптеке мне продали что-то непонятное под видом ромашки, а в парке ко мне подошёл мужчина и предложил «астральную чистку». Я была в шоке. Он тоже, когда я прочистила его поле по-своему.

Шумная она, эта Москва. Не по мне. Поэтому я пустилась в странствия — поездом, попутками, однажды даже на телеге, пока не оказалась там, где моё ведьминское сердце вздохнуло с облегчением.

Колекъеган. Маленькая деревня в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Где природа дышит величием, люди говорят мало, но по делу, а сотовая связь — это почти магия. Здесь я и осталась.

Построила домик — простой, но с толком. Травы собирала, зелья варила, помогала: кому давление сбить, кому любовь вернуть, кому судьбу наладить.

Слухи обо мне особо не ходили — только по нужным людям, то есть круг был очень и очень маленьким. Меня называли тихо: «Та, что в лесу живёт... Баба Яга». Иногда приходили с травяными чаями и просьбой, иногда — с пирожками и благодарностью.

И впервые в жизни я поняла, что такое настоящий покой. Работа ведьмы — это ведь не грохот, не показуха, не проклятия. Это забота. Это тепло. Это та самая доброта, которой учила меня прабабка Глафира. Похоже, я всё-таки не так уж всё и испортила.

Я знала, что меня ищут. Белогорье не прощает беглецов, особенно если ты последняя в роду ведьма, да ещё и унаследовала кое-что, что вообще-то положено было передать по велению Сварога. Но я упорно оставалась вне зоны доступа — не только магического, но и ментального. Охраняла себя, как могла. И пока это удавалось, я жила.

Я полюбила этот странный мир без магии. Может, потому что именно здесь почувствовала себя... значимой. Не избранной, не наследницей, не частью великого замысла, а просто — нужной. Люди приходили ко мне, не потому что обязаны, а потому что верили. Верили в травы, в слово, в помощь. И я помогала. Варила настойки, заговаривала порезы, собирала травы по лунному календарю, слушала, как люди плачут — и как благодарят.

Мне удавалось долго скрываться. До той самой ночи. Сначала ко мне прибежала бабушка Аграфена — хрупкая, с глазами, полными ужаса.

— Доченька, сущность у меня в доме... не в виде гномика, не домового, нет... — она тряслась и всхлипывала. — Злой он, проклятый, в стене шуршит, лампы разбивает, шепчет...

Я не могла ей отказать. Бес оказался вредным, как голодный хорёк. Шкодливым, злобным, всё портящая тварь, явно притянута кем-то из потомков с дурной энергетикой. Я, конечно, быстро с ним управилась: замкнула в амулет, трижды прошептала нужные слова, и он уже злобно царапался изнутри, как мышь в коробке.

И вот, ночью, с лопатой наперевес, я пошла его зарывать. Надо было подальше от людских домов. Надёжнее. С печатью, как положено.

Кто ж знал, что именно в полночь, среди тайги, я снова встречу с Кощеем?

Пауза затягивалась. Мы стояли друг напротив друга: он — как картина из глянцевого кошмара, я — уставшая ведьма с лопатой.

А мужики... они всё ещё были здесь. Стояли, хлопая глазами, будто мы с Кощеем были живым воплощением фильма, который ещё не вышел.

Один из них вдруг ткнул в меня пальцем:

— Это же вы! Вы мне настойку давали! Сын встал на ноги после аварии... Вы... Спасибо вам!

Я вымученно улыбнулась, чувствуя, как трещат мышцы от напряжения, а надежда рассыпается, превращаясь в пепел. И в этот момент Кощей подошёл ко мне ближе и легко, почти по-домашнему, приобнял за плечи. Ледяная змейка прошла по позвоночнику.

— У нас вечерний променад, — сказал он с той самой ленивой, убийственно чарующей улыбкой. — Нам не нужны свидетели.

Мужики переглянулись. Видимо, что-то поняли. Или просто инстинкт самосохранения сработал. В любом случае, они быстро нырнули в чащу, оставив нас в молчании под луной.

Я чуть повернула голову, собираясь двинуть Кощеею лопатой с размаху. Но не успела. Резко, будто кто-то дёрнул за невидимую нить, моё тело онемело. Руки повисли, мир поплыл. Воздух стал густым, вязким, как патока. Всё вокруг покрылось тенью, звук отдалился, и последним, что я увидела, был взгляд Кощей — всё тот же: ласково-спокойный, но с холодным огоньком в глубине.

А потом — темнота. И полное, абсолютное забвение.

Сказочная история литмоба

“Мажорка и чудовище в стране снов”, Яна Воронова

<https://litnet.com/shrt/5IXO>

Глава 3

Открыла глаза. Сначала была только мягкость — подо мной, над головой, повсюду. Потом — тепло. И запах: древесина, пыльные страницы старых книг и что-то сладковато-пряное, как ладан, но тоньше. Я медленно приподнялась и осмотрелась.

Комната была... сказочной. И не в переносном смысле. Я лежала в глубокой круглой нише, будто вырезанной в самом сердце библиотеки. Кровать, утопающая в меховом плёде и подушках всех оттенков зелёного и коричневого, была обрамлена резным деревянным арочным проёмом. Полки с книгами обнимали меня полукругом — древние тома, фолианты, свитки в кожаных переплётах. Надо мной нависал потолок, словно свод старинного храма, украшенный резьбой и массивными балками. Окно в углу украшали витражные стёкла, через которые сочился утренний свет.

У печи, в старинном кресле, закинув ногу на ногу, сидел Кощей Бессмертный. Спокойно, расслабленно, будто я не ведьма с характером, а кошка, решившая наконец вернуться домой. В руках у него был... планшет. Да-да, самый обычный электронный планшет с интернетом. Он водил по экрану пальцем и хмыкал, словно листал ленту новостей.

Но моя чуйка говорила однозначно: это Белогорье. Моё — волшебное, древнее и неотвратимое. Где всё начиналось... и, как казалось, должно было закончиться. В углу стояла моя лопата, прислонившись к печке. Она будто грустила.

Я пошевелилась — и Кощей тут же поднял глаза. Улыбнулся. Тот самый взгляд: лениво-хищный, уверенный и, чёрт побери, красивый.

— Добро пожаловать домой, царевна Прасковья, — сказал он с мягкой насмешкой.

Я показала ему язык. Потом скрестила руки на груди, словно школьница, обидившаяся на учителя истории.

— Ты не имел права меня сюда притаскивать, — буркнула я, всё ещё ощущая ту самую обиду — горячую, глупую, но настоящую.

Кощей только усмехнулся, будто я пошутила.

— Прав не имел? Ах, царевна, разве это когда-то останавливало таких, как я? Тем более, — он наклонил голову, — хочешь ты того или нет, а станешь моей женой.

Я метнула в него взгляд, которым обычно провожают на тот свет. Или в ближайшее болотце. Желательно с кочками и утиной стаей.

— Только попробуй, — сказала я тоном, в котором было всё: ярость, холод, угроза. — Я тебя закапать могу.

Кощей рассмеялся. Не громко, но от души. Словно услышал старую добрую шутку.

— Столько лет прошло, — сказал он, откладывая планшет и поднимаясь из кресла с той вальяжной неторопливостью, от которой по спине бежали мурашки, — а ты не меняешься.

— А я всё равно сбегу, — сказала я, уже не столько уверенно, сколько упрямо.

Он подошёл. Близко. Слишком близко. И навис надо мной, упираясь ладонями по бокам круглой ниши, чтобы я точно никуда не выскользнула. Его голос стал низким и вкрадчивым, обволакивающим, как дым.

— А теперь я всегда тебя найду, Прасковья. Потому что у тебя есть то... что принадлежит мне.

Внутри всё похолодело. Внутренности сжались в ледяной комок. Сердце застучало, как барабан на боевом марше. Он знал. Он знал о том, что я унаследовала. И что носила всё это время. И это значило одно. Я влипла. По-настоящему.

Кощей улыбнулся, совсем чуть-чуть — так, как умеют только бессмертные, для которых вся твоя жизнь — просто маленький каприз времени. Он поднял руку и мягко, но уверенно приподнял мой подбородок двумя пальцами, заставив взглянуть ему в глаза.

— Перестань уже упрямиться, Прасковья, — произнёс он тихо, почти нежно. Я сжала губы в тонкую линию.

Он резко выпрямился, отбросив ту краткую близость, будто она ничего не значила. Развернулся к двери и уже на ходу добавил:

— Жду тебя на кухне. Обед остынет.

И вышел.

Я зарычала в подушку, как разъярённая барсучиха. Несколько раз ударила по ней кулаками — мягко, бессильно, но с удовольствием. Пар выпустила, эмоции сбросила. Осталось только чувство голода и лёгкая ностальгия по... нормальности.

Поднявшись, я выбралась из уютного капкана спальни и спустилась по широкой, величественной дубовой лестнице. Каждая ступень дышала вековой крепостью, дерево скрипело ласково, будто приветствовало. Вышла в кухню... и сердце сжалось от неожиданной волны тепла.

Она была волшебной. В самом буквальном смысле.

Деревянные стены, выложенные бревном, живые, с лёгким запахом хвои и печного угля. Огромные панорамные окна в пол, за которыми колыхался сказочный лес. Весь потолок увит плющом, травами и гирляндами с огоньками. Каменная печь со сложенным арочным сводом над плитой выглядела как вход в пещеру домашнего уюта. На полках — банки с приправами, засушенные коренья, какие-то пузырьки, вазочки и бутылки.

Центром всего был массивный деревянный стол с барной стойкой, будто вырезанной из цельного дерева, с неровным природным краем. На нём — до боли родные вещи: чугунок с горячей картошкой и мясом, пышущей ароматами детства; крынка со сметаной, запотевшая, будто в ней и правда лежала деревенская прохлада; и, конечно — самовар. Настоящий, пузатый, с легким свистом и запахом черного чая с душицей.

Я не выдержала — села. Тихо, будто боялась, что если буду шуметь — всё исчезнет. На стол чернавка (не девка — чистая магия в образе ловкой служанки) поставила красивую глиняную посуду, румяный хлеб, масло и мёд в мисочке.

И тогда я увидела на салфетке... вилку. И ложку. Современные. Из люксового сегмента, не меньше. Я прищурилась, а потом невольно спросила:

— А интернет тут ловит?

Кощей, который уже сидел напротив и разливал чай с самовара, даже не поднял глаз:

— Пароль от вай-фая — Непруха.

— Очень смешно, — пробормотала я, закатывая глаза. Он усмехнулся в ответ.

Интернет. В Белогорье. Да меня бы в юности за одно это на Совет ведьм вызвали бы. Мир явно изменился за сорок лет. И, похоже, я отстала от жизни.

Или, что хуже... снова в неё вернулась.

Сказочная история литмоба

“Рапунцель побег от злой колдуньи”, Ева Куклина

<https://litnet.com/shrt/1tA4>

Литература

Меня х
ВОТ ТО
Я не
и от теб

Глава 4

Я хмуро посмотрела на Бессмертного, всё ещё не решив, стоит ли швырнуть в него вилкой или просто уйти из кухни, прихватив самовар.

— Где мы? — спросила я холодно, без лишних церемоний.

Кощей вскинул брови, будто действительно удивился моему неведению. Потом лениво откинулся на спинку стула, разложил на хлеб сыр и мёд и, жуя с удовольствием, сказал:

— В Белогорье, Прасковья. Родина, всё как ты любишь.

Я закатила глаза. А он рассмеялся. Искренне, заразительно. Как будто мы не в состоянии заложницы, а на дружеском чаепитии.

— Ты многое пропустила. У царя, как известно, было три сына. И, как водится, они всё потеряли. Один — в любовных дебрях, второй — в торговле, третий — в духовных поисках. В итоге: батеньки не стало, а делить наследство — зубов не хватает. Вот я и... взял инициативу в свои руки.

Я подняла бровь.

— Захватил Белогорье?

— Временно. Пока молодёжь не повзрослеет.

Я вздохнула. Меня это не обрадовало. Но и не расстроило. Белогорью уже давно требовалась встряска, а Кощей, при всей своей мании контроля, умел наводить порядок... хотя и с методами на грани.

Он между делом наливал мне чай, будто между нами не было ни конфликта, ни магической веревки, на которой он меня сюда притащил.

— Интернет я наладил. Покрытие — три сосны на восемьдесят километров. Но крестьяне... — он скривился, — кривоzubые. Чураются технологий. Повитухам верят, как мне — нет. На лошадях скакать — пожалуйста. А что такое онлайн-запись к чародейке — не знают. Вот ты мне и нужна, — он подмигнул. — Поможешь внедрить инновации. Так сказать, ведьмин стартап.

Я подперла подбородок рукой:

— А мне это вообще надо?

Кощей улыбнулся. Медленно, по-хищному. Губы чуть изогнулись, взгляд стал мягким, почти вкрадчивым:

— Я отреставрировал домик твоей прабабки. Всё как было: ступа у крыльца, лавка у печи, сушка трав на балке. Можешь варить зелья, снимать сглазы, или... — его голос стал чуть тише, — накладывать.

Я фыркнула, глядя в чашку. Ну, конечно. Прямо знает, на что давить. Ведьма я или кто? Хотя — если честно — заниматься магией мне нравилось. Всё это: травы, заклинания, тайные знания, ночные заговоры и люди, приходящие со своими бедами — было моим. Родным. И если сбежать прямо сейчас не получится...

Что ж. Стоит усыпить бдительность этого гада. Сыграть роль послушной ведьмы. Соглашаться, кивать, делать чай и отвары. А потом — найти его слабое место. Или хотя бы вернуть своё.

Кощей вдруг отставил чашку и заговорил так спокойно, что я даже не сразу поняла, что это обращение ко мне:

— Я не жду, что ты вот так просто возьмешь и полюбишь меня, Прасковья. Тем более слухи обо мне, мягко говоря, не в мою пользу.

Я чуть не подавилась сметаной.

— Ты серьёзно? — язвительно вскинула бровь. — Ты меня похитил. Притащил сюда против воли. Удерживаешь силой. И это, прости, вряд ли приблизит тебя к цели. Если ты, конечно, не перепутал любовь с синдромом стокгольмским.

Кошей усмехнулся, поигрывая чайной ложкой.

— Не перепутал. Но и сдаваться не намерен. Я докажу, что всё не так, как люди болтают. Я не чудовище, каким кажусь. По крайней мере, не всегда, — он снова подмигнул, но уже чуть печальнее. — У тебя будет выбор. Со временем.

Я отложила вилку, отодвинула тарелку и медленно выдохнула.

— Сыта по горло. Я хочу отдохнуть.

— Конечно, — кивнул он мягко. — Весь дом в твоём распоряжении. Но, — он пристально посмотрел мне в глаза, — не пытайся сбежать, Прасковья. Всё равно найду. И верну.

Я фыркнула, не удостоив это ответом, и поднялась вверх. Широкая дубовая лестница глухо стонала под шагами, как будто предупреждала: «Знаем мы такие истории... ничем хорошим не заканчиваются».

Зайдя в комнату, я с шумом захлопнула за собой дверь и повернула ключ. В комнате было всё на своих местах — мягкий полог кровати, шелестящие занавески, старинные книги. И, конечно, лопата. Всё та же, прислонённая к печке, будто ждущая своего часа.

Я смотрела на неё долго, с нарастающим искушением. А что если..? Если разнести тут всё, устроить маленький апокалипсис? Но потом тело сдалось. Усталость навалилась тяжестью. Всё внутри болело: не от боли — от обиды, злости и странной тревоги. Я легла на кровать, и как только щека коснулась подушки — провалилась в сон.

Будет новый день.

Будет новый подвиг.

Сказочная история литмоба

“(не)спящая Красавица”, Кристина Миляева

<https://litnet.com/shrt/gp54>

Глава 5

Я проснулась еще до рассвета — лес за окном медленно светлел, окутанный молочной дымкой. Несколько секунд я лежала, разглядывая резной потолок, а потом по привычке потянулась за смартфоном. Один щелчок — и к моему удивлению, полоски вай-фая действительно ожили. «Непруха» — пароль оказался не шуткой, и интернет в Белогорье был самым настоящим.

Новости, правда, радовали мало. Мир за пределами этих волшебных земель жил по-прежнему — войны, политика, тренды, котики... А в самом Белогорье — тишина. Будто бы время здесь текло иначе, сжимаясь в кольцо и шепча на ухо древними голосами. Почти никто из местных не пользовался интернетом. Кощей не соврал — они всё ещё верили в знахарок, ворожбу и дурной глаз.

Я огляделась. Комната была уютной, но тесной, возможно из-за того, что Кощей меня сюда притащил силой. Что-то щёлкнуло внутри. Хватит сидеть.

Я встала, накинула кофту, обулась и, схватив лопату, вышла наружу. Земля под ногами была мягкой, трава влажной от росы, прохлада щекотала щиколотки, как когда-то в детстве. Сквозь густую зелень вела старая, едва заметная тропинка, словно вытканная из мха и времени.

И вот он — дом. Тот самый. Дом моей прабабушки. Избушка. Он стоял на высоких, стройных сваях, будто на цыпочках. Тёмная черепичная крыша напоминала ведьмовской колпак, и даже в тумане его силуэт казался почти сказочным. Окна светились тёплым янтарным светом — словно кто-то внутри только что зажёл лампу. Деревянная лестница вела к входу, терраса обвивалась лианами, а вокруг раскинулся лес — тёмный, древний, как заклинание, нащёптанное на заре времён.

Я застыла. Мурашки побежали по спине. В детстве изба казалась просто старым дачным домиком, облезлым и скрипучим. Но сейчас... Сейчас она дышала магией. Ждала.

И я — чувствовала, что она признаёт меня. Что это теперь мой дом. Моя точка опоры в этом странном и притягательном Белогорье. Где есть интернет, но нет ни одного блогера. Где можно варить зелья, общаться с духами и, возможно, однажды... перевоспитать Кощея. Хотя бы чуть-чуть.

Внутри, как я и подозревала, использовалась магия пространственного искажения. Снаружи изба казалась компактной, почти скромной, а вот внутри... Пространство раздвигалось, как ткань во сне — мягко, незаметно, но неотвратно. Потолок уходил высоко вверх, изогнутые стены дышали теплом, а в центре комнаты тянулась к куполу скрученная колонна, напоминающая переплетённые ветви древнего дерева, корнями уходящего в очаг.

Круглый, сочно-зелёный камин напоминал раскрытый желудь — внутри плясал огонь, отбрасывая тёплые отблески на гладкие полы из дерева, отполированного временем и, вероятно, заклинаниями. Большое круглое окно с витражной рамой пропускало мягкий свет сквозь утренний туман, а лестница, как вырезанная из самой земли, вела на второй этаж, где когда-то была спальня прабабушки.

Я медленно провела пальцами по спинке кресла, обитого бархатистой тканью, опустилась в него — и на мгновение всё вокруг исчезло. Осталась только тишина, потрескивание огня и воспоминания.

Здесь я училась читать по лунным сплетениям, варить отвары от тоски и класть под подушку мешочек с сухими лепестками мальвы, чтобы не видеть дурных снов. Бабушка называла это «ведовская наука», и мне нравилось быть её ученицей. Я чувствовала себя нужной, важной, особенной.

Но потом пришло предсказание. Мол, мне уготовано стать женой Кощея Бессмертного. Я помню, как тогда впервые ощутила страх — не перед ним, не перед судьбой, а перед тем, что меня уже выбрали. За меня всё решили. Даже любовь. Даже жизнь.

Я сбежала. И была уверена, что вырвалась из сказки. Но вот я здесь. Вновь в этом доме, полном трав, чар и памяти.

Может, стоило бы поблагодарить Кощея за то, что сохранил его? За то, что не сжёг, не превратил в музей или лабораторию?

Но, увы, я не знала его истинных намерений. Почему он выжидал столько лет? Почему сейчас? Почему именно я?

Снаружи послышался стук ветра, закрипели балки, и вдруг — глухой звук наверху. Что-то, или кто-то, был там. Я насторожилась, крепче сжала лопату и медленно поднялась на ноги. Ступени подо мной мягко поскрипывали. Лестница вела в полумрак, куда проникал лишь слабый отсвет огня снизу.

Может, ветер. А может — не только он. Я сделала первый шаг вверх, держа лопату перед собой.

Комната наверху оказалась ещё более волшебной, чем я помнила. Центром библиотеки — а это, несомненно, была именно она — возвышалось гигантское дерево, его могучий ствол уходил сквозь потолок, будто росло оно тут всегда, с самого начала времён. Его ветви раздвигали само пространство и сплетались с балками крыши, увитыми светлячками-огоньками, словно звёзды осели в листве, чтобы освещать знания.

Полки тянулись от пола до потолка и были забиты книгами — пыльными фолиантами, древними манускриптами, зачарованными хрониками. Здесь пахло временем, чернилами, корой и немного — мёдом. Старинный кожаный диван возле ковра звал устроиться поудобнее и вновь погрузиться в детское забвение — когда можно читать до темноты, пока не придёт бабушка и не потребует спать.

Я улыбнулась, провела рукой по корешкам книг. Некоторые знала наизусть. Я в детстве пряталась здесь, убегая от предсказаний, уроков, судьбы. Я просто хотела учиться, тянуться к магии, к знаниям, не думая, для чего это мне «на самом деле». Тогда всё казалось честным.

Кстати, о магии. Только теперь я почувствовала — как будто Белогорье отзывалось мне. Словно само место наполняло меня силой, поднимало со дна то, что спало в моих венах. Может быть, это самообман. Может, иллюзия. Но я чувствовала, как моё естество оживает.

И тут — шорох. Едва различимый. Но чёткий. Где-то между книг, возможно, за стеллажом. Я мгновенно напряглась, огляделась, вцепилась в лопату.

Она, будто отозвавшись на мою тревогу, вспыхнула ядовито-зелёным светом. Магия струилась по её поверхности, подсвечивая узоры, когда-то вырезанные мною в скуке и гнев. Теперь эти узоры будто ожили.

Я не знала, кто или что могло затаиться в библиотеке, но почти наверняка — если Белогорье действительно под контролем Кощея, никто в здравом уме не рискнул бы вломиться сюда. Хотя... богатырей здравый ум редко украшал. Эти упрямые воины вечно мечтали сразить Бессмертного и доказать, что сила важнее вечности. Наивные. Глупые.

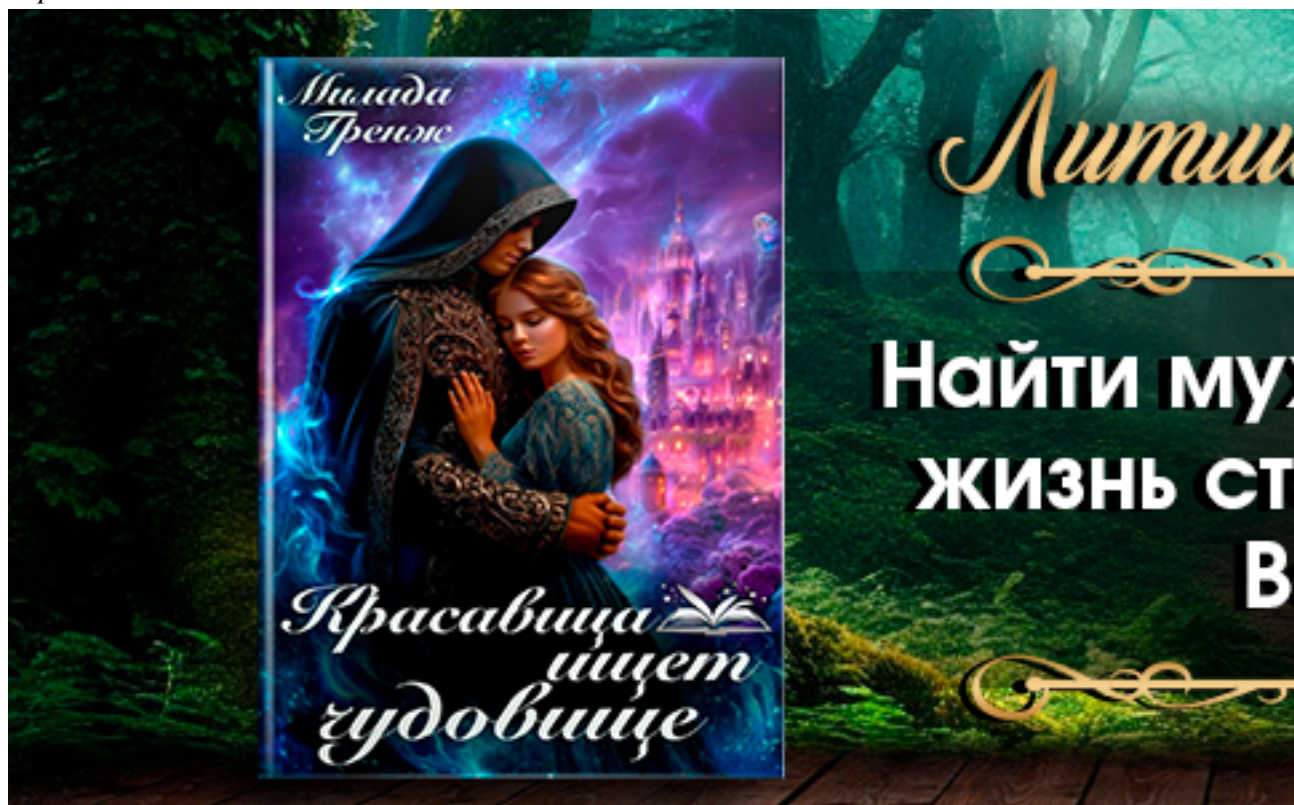
Шорох повторился. Ближе. За третьим рядом. Или уже за спиной? Я замерла, сжала лопату крепче и прислушалась. Дерево слегка качнуло ветвями — или мне показалось?

— Кто здесь? — прошептала я, не ожидая ответа.

*Сказочная история литмоба
“Красавица ищет чудовище”, Милада Гренж*

<https://litnet.com/shrt/3bt4>

Глава 6

Мой взгляд скользнул по комнате, и вдруг я заметила в углу нечто странное — покрытую паутиной и пылью ступу. Она стояла будто в тени, наполовину спрятанная между книжными полками и корнями дерева. Я подошла ближе и сдержала вздох — та самая ступа. Бабушка рассказывала, что в юности летала на ней, бороздила небо и ветры, но я-то никогда не видела её в деле. Считала это больше сказкой, чем правдой. А вот она — старая, обугленная по краям, с потёртым деревянным венцом. Словно ждала.

Я наклонилась, заглянула внутрь — и тут невольно улыбнулась.

Внутри сидел домовой.

Маленький, пузатенький, с круглым животиком, короткими ножками, пухлыми ручонками. Его серебристые глаза светились из-под пышных бровей, а борода хоть и была короткой, но пушистой, как у одуванчика весной. На нём была льняная рубаха с красной вышивкой по вороту и штанишки, подоткнутые крошечным пояском. Нос — огромный, красный, картошкой — смешно вздрагивал, когда он чихнул, почуяв мою магию.

Он поднял голову, пригляделся ко мне, и глаза его заблестели ещё сильнее. Он вскочил в ступе, расправив руки:

— Ой же ты гляди! Прасковеюшка! Неужто сама пришла?! — воскликнул он радостно, голос у него был высокий, немного сиплый, но по-детски весёлый.

Я моргнула, поражённая.

— А я уж думал, не вернётся ко мне никто... Ни ты, ни баба твоя, царствие ей зелёное... А тот ирод окаянный, что нынче тут обитает, так уж меня достал! Ходит, бурчит, стелет мрак, дыхнуть свободно не даёт. Всё тьму сеет, а света в нём — как в старом уголье!

Я едва сдержала смехок.

— Ты про Кощея?

— А про кого ж ещё! Бессмертен он, да не привязчив. Нету от него ни уюта, ни печного духа. Дом без жизни — как хлеб без соли. А тут ты — моя радость, моя светёлка! Вернулась, значит. Уж и не чаял!

Он вытер глаза крошечной ладошкой, потом вдруг вытянул руки ко мне, просясь то ли на руки, то ли на разговор, причмокнул.

— Скажи, ты насовсем? Или опять сбежать вздумала, как девчонка малолетняя?

Я не ответила. Просто стояла и смотрела на него. Как же странно — в сердце вдруг защемило тепло. Будто и правда я вернулась домой. Хоть и не по своей воле...

Я тяжело выдохнула, лопата в моей руке погасла и потускнела, будто почувствовала, что тревога на время миновала. Я опустила её к полу и, не раздумывая, плюхнулась на диван. Он встретил меня мягко, почти с объятиями — старый, обжитой, знакомый, как всё здесь. Всё, кроме меня самой.

Антошка с возмущённым фырканием выбрался из ступы, не переставая причитать:

— Вот до чего довёл! Людишек распугал, чуток зыркнет — крестьяне в штаны, а кто посмелее — бегом в леса! А кто теперь за ними присмотрит, а? Кто хвори снимет, кто заговор шепнёт, кто дитю причину выведет?! Я, что ли, в юбке плясать буду?! Где ж Ягушка наша, где Прасковеюшка?! — ворчал он, взбираясь ко мне на диван, ловко, по-кошачьи. Маленькие лапки-ноги топнули по подушке, и он уселся рядом, смешно подоткнув под себя рубаху.

Он уставился на меня своими светящимися глазами, как будто заглядывая прямо в душу. Я запрокинула голову, уставившись в потолок, а потом медленно, почти шёпотом, спросила:

— Что вообще происходит в этом мире, Антошка?

Он будто только и ждал этого.

— А вот слушай, девонька моя, и не перебивай. Был у нас царь. Добрый, да глуповатый. Три сына имел, да каждому по кусу власти подкинул, а поделить как следует не научил. Старший — злато хапать, средний — на ратном деле помешан, младший — мечтатель, всё про справедливость бормотал, а сам книжек не читал, уму не набрался. Слово за слово — да как сцепились! Землю всю на межу перерезали, народ — кто к одному, кто к другому, а кто и в бега. Царства, считай, в пыль ушли...

Я слушала, замирая. Антошка продолжал:

— А Кощей... Хитёр! Умом-то он завсегда блещет. Он в разброд и вошёл, как нож в масло. Собрал земли бесхозные, да порядок на них наводить стал. По-своему, по-кошеевски — жёстко, но без бардака. Казна у него полная, сказки те твои — не выдумка. А что красавец стал — так это после как сердце вернул. Говорят, ведьма одна, старая да мудрая, душу ему обратно вложила, с приговором: будешь любить — станешь живым, не будешь — вновь в прах обратятся кости твои. И вот ходят к нему теперь царевны одна за другой, в надежде попасть в сказку. Молод, красив, несметные богатства — чем не жених?

Он бросил на меня взгляд исподлюбья и хмыкнул:

— А вот ты — единственная, что у него в доме, как дома. Остальные — гости. Ты — корень, он это знает. Потому и ждёт. Не на показ, не со сватами — а сам. Бессмертный, а всё равно — человек, коли полюбит.

Я молчала. Внутри всё смешалось: грусть, растерянность, тепло. Домовой снова устроился поудобнее и добавил с усталым вздохом:

— Ты спросила, что происходит. А я скажу — сказка идёт своим чередом. Только ты, Прасковеюшка, теперь решаешь, в каком конце она закончится.

Я хлопнула ладонями по коленям, подняв в воздух чуть-чуть пыли и решимости:

— Ну что, Антошка? Готов к трудовым будням Бабы Яги?

Сначала наступила тишина. Я даже подумала, что перегнула — может, для него это слишком. Но не тут-то было.

Домовой подскочил как ужаленный, глаза у него загорелись, а тело стало двигаться с поразительной скоростью: туда-сюда, вверх-вниз, с одного угла в другой. Он метался, бормоча вполголоса, словно попал в ураган вдохновения.

— Ай, слава всем духам! Готов, как сто лет назад! Ща, ща, ща! Котёл, фолианты, травы с сушки, да где же метла?! Ах, вот она, окаянная, за шкаф закатилась!

Он будто стал вдвое проворнее, а голос его превратился в скороговорку. Я едва успевала следить за его действиями. Полки отодвигались сами собой, травы опускались с потолка, раскрывались старинные ящики с кожаными обложками книг, исписанными рунами. По дому разнесся лёгкий аромат полыни, чабреца и чего-то сладко-древнего, как старинные чернила на потёртых страницах.

Вдруг Антошка резко остановился, как будто вспомнил что-то важное. Он повернулся, подбежал к дверям, свистнул — и дверь распахнулась сама собой.

В проёме возник он. Баюн. Кот входил в дом неторопливо, как истинный хозяин. Серодымчатый, с мощной грудью и лапами — широкими, мягкими, бесшумными. Его густая шуба струилась, словно лёгкий туман стелился по полу. Он шагал с царственным безразличием, будто знал цену себе и каждому в этом доме. А глаза — небесные, ясно-голубые, как зимнее утро. Глаза, в которых было столько памяти, сколько не уместилось бы в десяти людских жизнях.

Антошка, не церемонясь, дёрнул его за ухо.

— Хватит валяться, лентяй! Шевели лапами! Разнеси весть по окрестностям — Яга вернулась! Да не просто так, а всерьёз! Пусть деревенские знают — сглаз снимем, зелье сварим, да и порчу, если надо, наведём!

Баюн зевнул, и я отчётливо увидела клыки, как у маленького хищника. Он лениво моргнул, потом повернулся ко мне — и остановился. Его глаза расширились, зрачки сузились от неожиданности. Он вглядывался в меня, будто пытаясь вспомнить что-то давно забытое.

Я не отводила взгляда, чуть улыбнулась и, не спеша, с лёгкой бравадой, прокрутила в руке лопату. Металл мягко сверкнул в свете ламп.

— Да, — сказала я ровно. — Я вернулась.

Сказочная история литмоба

“Белоснежка-попаднка для чудовища, или все наперекосяк”, Кармен Луна

<https://litnet.com/shrt/lfEv>

Глава 7

Новость о возвращении Бабы Яги, то есть меня, разнеслась по Белогорью с такой скоростью, что даже Баюн не ожидал. Говорят, он только хвостом махнул — а уже по всей округе загудело. Бабы на завалинках, старцы у костров, кузнецы в своих мастерских и повитухи с капустными листьями на лбах — все обсуждали: «А ты слышала? Прасковья вернулась! Та самая, что зелья варит и на лопате летает! Да-да, внучка Яги, кровь с молоком, характер с перцем, а глаза — ведают, как у старой! Ну, теперича заживём!»

Я-то думала, будет время освоиться, прийти в себя, но не прошло и дня, как на пороге возникла она. Аленушка. Румяная, в сарафане, с косой, чуть выгоревшей на солнце — стояла у моего порога и рыдала, прикрывая лицо платочком. А рядом — козёл. Самый обычный, рогатый, белоснежный, с большими, непонимающими глазами.

— Он... он выпил воды из копытца! — всхлипывала она, тыча пальцем в козла. — Я его отговаривала! Кричала! Но он... так хотел пить... А теперь... — голос её сорвался в плач.

Мне, конечно, захотелось съязвить. Ну как тут удержаться? Мол, не исключено, что Иванушка просто раскрыл свою истинную натуру. Но — я промолчала. Потому что, когда к тебе приходят не за колким словом, а за настоящей помощью, язвить — это как плевать в лицо доверию.

Я молча потянулась к полке, вытащила пузырёк с травяной настойкой — зелёной, густой, с лёгким шепотом внутри — и протянула Аленушке.

— В полночь, — сказала я, глядя ей в глаза. — Дашь ему всё до капли. Потом — в поле. Пусть пашет до седьмого пота. Проклятие уйдёт, как сера с ладони.

Аленушка утерла глаза и стала низко кланяться, всё бормоча слова благодарности, а козёл виновато блеял рядом. Её благодарность была искренней, даже в этих смешных поклонах была сила — сила веры.

Я краем глаза заметила, как Антошка сидел на лестнице, скрестив ноги и усмехаясь в кулак. Он-то знал, что никакого «проклятия» уже не было — настойка сработает через пару минут. А вот поле... Поле — это да. Поле — это воспитательно, трудотерапия. Иногда, чтобы вернуться к человеческому облику, надо просто хорошенько вспотеть. Особенно мужчинам.

Едва за Аленушкой закрылась дверь, как в избу влетел... нет, не вошёл — влетел, с вихрем, топотом и воплями — дряхлый дедок. Сапоги его были покрыты слоем морской соли, шапка съехала набок, глаза бегали как у испуганного зайца.

— Старуха моя, окаянная! Совсем с ума спятила, Прасковья, — задыхаясь и размахивая руками, затараторил он. — То ей корыто подавай — с инкрустацией и позолотой! То дворянкой столбовой захотела стать! То вообще, владычицей морской возжелала быть! Рядом о Стрибогом, на троне, с рыбьим хвостом, шоб всё как в сказке!

Я устало выдохнула и села на край лавки. Ну вот опять. Запросы. И всё им мало.

— Жадность, — сказала я, сцепив пальцы, — и чрезмерные амбиции ведут не к счастью, а к разрушению. Строишь, строишь, а потом — бац — и ничего. Потому что не на том фундаменте. Понимаешь?

Дедок энергично закивал, как будто я сказала самую умную мысль на белом свете. Хотя бы присел, а то стоял, как куры на насесте.

Я подошла к полке, провела рукой по корешкам, отыскала одну старенькую, с потрёпанной обложкой и пожелтевшими страницами. Открыла. Нашла нужное место.

— Пусть твоя старуха сходит в общину, — читала я вслух, — и позаботится о сиротах, обделённых и забытых. Станет для них доброй матерью, даст тепло, заботу и дом. Тогда исполнится желание её — настоящее, не мишура, а то, что душу лечит.

С этими словами я достала из тайного ящичка маленький пузырёк — настойку из шафрана, зверобоя, капли мёда и зёрен граната. То, что поднимало серотонин быстрее любого компота из малины.

— Пусть это выпьет утром, на рассвете, — протянула деду. — Желание — вещь тонкая. Надо с душой обращаться, не с жадностью.

Дед взял пузырёк, уткнулся в него, как в семейную реликвию, и вдруг... вытащил из-за пазухи маленькую золотую рыбку. Та мерцала, перебирала плавниками и, казалось, смотрела с укором.

— На, Прасковья, — сказал дед. — Тебе, Бабе Яге, виднее, что с ней делать. Меня она только в морскую кутерьму втянула, а ты уж разберись.

И — ушёл.

Я осталась стоять с рыбкой в руках, которая молчала, но смотрела как будто слишком уж понимающе. Домовой Антошка заглянул из-за печки, хмыкнул и выдал:

— Вот что значит вернулась. Всех теперь спасать будешь, мать.

Кот Баюн, едва дед за порог ступил, лениво потянулся, затем... хищно облизнулся, глядя на золотую рыбку в моих руках.

— Даже не думай! — строго сказала я, прижимая рыбку к груди, словно младенца.

— Антошка! Аквариум, быстро!

Домовой, как ни странно, не задал ни одного вопроса, не встрял с репликой, а только стремглав шмыгнул куда-то за шкаф, в стену, и скрылся в одном из своих тайных ходов. Через несколько минут, тяжело пытая, он вернулся, катя перед собой пузатый стеклянный аквариум, такой большой, что его можно было принять за чугунную бочку, если бы не прозрачные стенки.

— Ставь сюда, — велела я, и, пока он размещал аквариум на полке у окна, высыпала в него горсть магического порошка — вода в сосуде вспыхнула мягким светом и тут же наполнилась до краёв. Капли на стекле блестели, будто россыпь звёзд.

— Ну, плыви, златоглазая, живи пока тут. В море позже выпущу.

Я опустила рыбку в аквариум — и тут она вскипела эмоциями. Крохотное создание подпрыгнуло на поверхности и звонко, совершенно по-человечески, выкрикнуло:

— Никакого моря! Хватит! Сколько можно! То Садко с балалайкой, то кикиморы с бессмысленными запросами! Не жизнь, а каторга! Я остаюсь!

Я от изумления чуть не выронила лопату. Даже кот Баюн хрюкнул от смеха. Домовой, еле сдерживая смехок, прикрыл рот лапкой.

— Ну и живи, — махнула я рукой, — только мир соблюдай. Баюн! Рыбу — не трогать!

— Да что я, зверь какой, — обиженно фыркнул Баюн, откидывая хвост. — Я вообще-то интеллигентный кот!

Он отвернулся к окну, задрав нос, и вдруг гаденько захихикал:

— Хм... К слову, по твою душу, хозяйка, идёт темнейшее. Вроде как лично. С левой тропы, по мху, чтоб не шуметь.

Я вскинула глаза к потолку. Ну, конечно. Я же его уже пару дней игнорирую. А он ведь привык, чтоб всё внимание — ему. Соскучился, не иначе.

— Ну здравствуй, Кощей. И чего ж тебе от меня надо на этот раз, а, бессмертный ты мой?..

Сказочная история литмоба

“Дикий отдых в Африке”, Павел Вольный

<https://litnet.com/shrt/yifI>

Глава 8

Кощей Бессмертный появился в проёме двери с той самой плавной, почти змеино-нотопливой грацией, от которой у людей мурашки по коже. На нём был тёмный костюм, волосы аккуратно зачёсаны назад, а на носу — очки с тонкой металлической оправой. Очки! Он их надел чисто ради эстетики, не иначе. Поправив их двумя пальцами, он посмотрел на меня с такой бархатной улыбкой, что в другом месте и при других обстоятельствах можно было бы и поверить в его благонамеренность.

— А что это моя суженая меня избегает? — спросил он мягко, почти мурлыкнул.

Я, не меняя выражения лица, плюхнулась в своё любимое кресло. Оно жалобно скрипнуло, но выдержало.

— А что мне, больше нечего делать, как избегать тебя? — фыркнула я, закинув ногу на ногу и демонстративно глядя в потолок.

Кощей рассмеялся. Смех у него был красивый, гад такой.

— Врать нехорошо, Прасковья. Я же тебя насквозь вижу, — сказал он с ленивым интересом, делая шаг к аквариуму.

Я, не моргнув, взглянула на него через плечо:

— Раз видишь насквозь, скажи, что у меня с желудком? Изжога, между прочим, мучает. Всё думаю — не из-за тебя ли это на нервной почве?

Он прищурился, но улыбка лишь стала шире. Баюн, стоявший у окна, резко метнулся к двери и шмыгнул вон, домовый Антошка — за ним следом, будто их кто-то позвал. Даже золотая рыбка, не желая участвовать в спектакле, решила, что будет просто рыбой — и как могла незаметно скрылась за водорослями.

Кощей между тем медленно прошёлся по комнате, скользя пальцами по полкам, как будто был дома.

— Сегодня вечером я бы хотел, чтобы ты поделила со мной ужин, — произнёс он, не оборачиваясь.

— Ужин, говоришь? Я, между прочим, ужин предпочитаю отдавать врагу. — Я прищурилась, с удовольствием наблюдая за его реакцией.

Он обернулся, скрестив руки на груди, уголки губ дёрнулись вверх:

— Ну так приди и отдай. Сама. Мне.

О, это был вызов. Без намёков. Прямой, открытый, почти дерзкий. Я поджала губы, взглянула на него искоса и, выдержав паузу, вдруг пожала плечами:

— Твоё счастье, что я очень много ем. Прямо вот очень. Бессмертия на меня не нападёшь.

Кощей рассмеялся снова, в этот раз более свободно, по-мужски. Что-то тёплое кольнуло в груди, но я тут же мысленно огрела себя лопатой по лбу. Не ведись. Он всё ещё Кощей. Бессмертный. Хитрый. Обаятельный. Опасный. А вот ужин всё равно будет интересный.

Кощей посмотрел на меня... и вдруг улыбнулся. Не хищно, не насмешливо, не с тем вечным «я знаю всё лучше всех» выражением. А как-то... волнующе. Словно на миг стерлась вся эта игра в силу, в загадочность, в ледяного Бессмертного. На миг он просто... был.

— Помнишь, как мы в детстве играли в сокровищнице Змея Горыныча? — его голос стал тише, теплее. — Ты тогда припрятала корону царя под грудой монет, а потом забыла, куда. Он потом три года её искал.

Я хмыкнула, откидывая волосы назад:

— Как он, кстати, поживает, твой Горыныч?

Кощей вздохнул, глядя в окно:

— Обижается. Всё ждет, что ты придёшь, а ты не навещаешь. Говорит — бросила его, предала, как и меня.

Я устало потерла переносицу, прикрыв глаза ладонью. Ну да, конечно. Змей Горыныч всегда был как эмоциональный шторм в форме трёхголового дракона — вспыльчивый, обидчивый и до слёз трогательно ранимый. Особенно средняя голова. Хуже ребёнка, чесслово.

И вот в эту самую секунду, когда я мысленно готовила саркастическую реплику, на мою щеку вдруг легла ладонь — прохладная кожа под тонкой перчаткой. Я вздрогнула, инстинктивно открывая глаза.

Кощей стоял рядом, близко. Слишком близко. Его взгляд был... серьёзным. Не ледяным, не испепеляющим, не надменным — просто серьёзным. Таким, каким он, наверное, смотрел бы на любимую книгу, у которой вырвали пару страниц. Осторожно. Почти бережно.

— До сих пор не понимаю, почему ты от меня убежала, — произнёс он, одними губами.

Мир будто сжался до этой тишины, до прикосновения его ладони, до его взгляда, в котором на миг мелькнула неуверенность. Такой откровенности от Кощея я не ожидала. И это было... страшнее любой магии.

Ладонь Кощея всё ещё лежала на моей щеке. Тёплая — вопреки ожиданиям, вопреки мифам. Его прикосновение не было нежным, но и жестоким я бы его не назвала... пока оно не скользнуло ниже.

Я нахмурилась. Память напомнила, как именно я оказалась здесь — не по доброй воле. Кощей привёл меня обратно. Силой. Пусть и без оков, но без выбора. Его взгляд оставался всё тем же — глубоким, хищным, сдержанным, как омут в тумане. В нём было что-то древнее, неумолимое.

Пальцы сомкнулись у меня на горле — не сдавливая, но достаточно, чтобы я прочувствовала разницу в силе. Он был сильнее. И он знал это. Магически. Физически. Властно.

— Почему ты убежала? — повторил он, всё так же спокойно, будто держал в руках не мою шею, а чашку с чаем.

— Разве это не очевидно? — хрипло прошептала я, не отводя взгляда.

Он чуть сильнее сжал пальцы — не угрожающе, но ощутимо. Предупреждение.

— У тебя не было ни одного повода, — его голос стал чуть ниже. — Брак со мной — это власть, бессмертие, защита. Это... выгодно.

Я смотрела на него с яростью. С отвращением. С болью.

— Меня не интересует ни твоя власть, ни твоё могущество. И плевать мне на золото, — выдохнула я с вызовом.

Он наклонился ближе. Его губы остановились в миллиметре от моих — так близко, что дыхание смешалось. От него пахло дымом, сталью и чем-то травяным, почти волшебным. Его голос стал едва слышен:

— Тогда я заставлю тебя поменять мнение.

Его ладонь снова поднялась вверх. Большой палец едва коснулся моей нижней губы — мягко, почти бережно. Я не ожидала этого. Не ожидала, что дрогну. И вдруг... покраснела. Настоящим, внезапным румянцем, как смущённая девчонка. Щёки загорелись, предательски, жарко, и я сама это почувствовала.

Он увидел. Уголки его губ чуть дрогнули. Но он ничего не сказал. А я... впервые за долгое время не знала, что ответить.

*Сказочная история литмоба
“Алый код любви”, Елена Эйхен*

<https://litnet.com/shrt/VPWK>

Глава 9

Кощей вдруг резко отстранился, громко рассмеялся и, бросив на прощание:

— Встретимся за ужином, — стремительно развернулся и вышел из избы.

А я... я осталась сидеть в кресле, пунцовая как варёный рак, чувствуя, как во мне всё бурлит — злость, волнение, смущение, досада... Всё разом. Я вскочила, схватила лопату и, не раздумывая, выбежала из дома. Его силуэт уже был в нескольких шагах от крыльца.

— Ах ты!.. — взревела я и со всей силы метнула лопату ему в спину.

Лезвие стремительно рассекло воздух, но, не долетев пары сантиметров до цели, было остановлено — двумя пальцами. Указательным и средним. Кощей даже не обернулся — просто поднял руку, как будто ловил падающий лист. Задержал лопату перед самым лицом, чуть склонил голову и повернулся ко мне с той самой своей фирменной, ленивой, дразнящей улыбкой.

— Ты очень милая, — сказал он и разжал пальцы.

Лопата с глухим звуком упала в траву, а он, не торопясь, пошёл прочь, насвистывая что-то лёгкое, почти весёлое, словно только что не поймал оружие голыми пальцами, как сцену из сказки наизнанку.

Я кипела. В буквальном смысле. Казалось, ещё чуть-чуть — и из ушей пойдёт пар. Гнев, смущение, унижение... всё хлестало по нервам.

— Может, яблочко съесть? — раздался тихий голосок сбоку.

Я дёрнулась. Антошка. Домовой стоял рядом, глядя на меня с осторожной жалостью и в то же время с тем особым выражением лица, которое бывает только у тех, кто давно знает тебя и уже не удивляется твоим вспышкам.

Я молча протянула руку. Он вложил в неё яблоко — тяжёлое, гладкое, с тонким ароматом и холодком, как будто только что с ветки. Я, не глядя, потянулась к нему и сделала три больших укуса, будто собиралась заглушить во рту весь накопившийся гнев.

Сладковатый вкус... с лёгкой терпкой кислинкой... и... что-то ещё. Я медленно опустила взгляд на яблоко. Вытянула руку, пригляделась к коже. Серебристый отлив. Мельчайшие, искрящиеся вкрапления. Это...

— Молодильное яблоко, — произнесла я вслух, почти обречённо.

Прекрасно. Просто идеально. Везёт мне, как утопленнику в болоте. Антошка почесал пузико и невинно пожал плечами:

— Ну ты ж сама руку протянула.

И хихикнул.

Я пулей рванула обратно в дом, волоча за собой слишком длинные штанины джинсов и чувствуя, как футболка колышется за спиной, надуваясь как парус, превращаясь в почти что ночную рубашку. Главное — успеть! Противоядие! Где-то у меня было!

Но, пробежав к шкафчику и вскарабкавшись на табуретку, я уже знала: поздно. Очень поздно. Джинсы сваливались, будто на мне было не тело, а вешалка, а футболка теперь могла бы сойти за палатку для туристического лагеря. Мне не нужно было зеркало. Я чувствовала — лет мне теперь максимум четыре. От силы. Ну, ладно, может, пять, если быть щедрой к себе.

— Е-мое... — только и выдохнула я, заталкивая штанину обратно на ногу и глядя на окружающий мир, внезапно ставший просто гигантским.

Из ступеней пришлось буквально выбирать, кое-как держась за перила. Криво, но прыжку добралась до второго этажа, туда, где был когда-то мой детский гардероб. С удивлением обнаружила, что вещи всё ещё лежали на месте, бережно сложенные бабушкой, будто она знала, что они ещё пригодятся. Переделалась в лёгкое платьице с цветочками и бантом, плюхнулась на диван, свесив босые ноги, и буркнула:

— Всё. Больше сегодня ко мне никого не впускать. Ни с козлами, ни с амбициями, ни с предложениями руки и сердца. Всех поубиваю.

Тишина, установившаяся в доме, была зловещей и полной понимания. Даже кот Баюн, свернувшийся у окна, не мяукнул. А Антошка — и вовсе предпочёл затаиться, как школьник, забывший сделать домашку.

Я откинулась на подушки, сжав кулачки. Да что ж это за день-то такой? Только стоило вернуться в Белогорье, как начались мои страдания. Хотя... это началось с того момента, как Кощей нарисовался. Совпадение? Не думаю.

И тут меня осенило. Амулет. Амулет с заключённым бесом. Кощей же хотел его. Зачем ему это? Я, шлёпая босыми пятчиками по полу, спустилась вниз. Аквариум теперь был для меня как гигантская магическая конструкция, возвышавшаяся до потолка. Я заглянула в стеклянную толщу, приложив ладошки к стеклу.

— Рыбка! — позвала я строго, как могла. — Слушай, ты не в курсе, зачем ему, Кощей, мой амулет с заключённым бесом мог понадобиться?

Рыбка всплыла из водорослей, повертелась вокруг себя и многозначительно покачала хвостом.

— Да не просто бес, — пропела она ворчливо, — а особенный. Раритетный. Там, в медальоне твоём, Лексий Сугубый запечатан. А это не абы кто, а бывший придворный бес самого Тёмного Совета. Хитрый, коварный и очень разговорчивый. Только молчит, пока заперт.

— И что?

— А то, что, Кощей всех своих подчиненных вытаскивал, чтобы служили ему верой и правдой. Да поручения всякие выполняли.

— Например?

Рыбка усмехнулась (насколько может рыбка, конечно) и ответила:

— Ну уж нет. Я, конечно, золотая, но не бесплатная. За такую информацию — три желания минимум.

— Да я тебе уже аквариум подарила, — проворчала я.

— Это была аренда, — невозмутимо фыркнула рыбка, — я вообще на пенсию собиралась. Не знала, что тут ещё всё закрутится.

Я застонала. Потрясающе. Значит, у меня на руках младенческий облик, амулет с бывшим демоническим интриганом и Бессмертный, который явно замышляет что-то не к ужину, а куда серьезнее.

— Яблоко, яблоко... — буркнула я себе под нос. — Как я могла быть такой дурочкой?

— Маленькая, но гордая, — сочувственно сказала рыбка. — Не переживай. Может, тебе ещё и повезло. Бессмертные — они ведь любят, когда объект страданий выглядит невинно...

Я медленно попятилась назад, при этом вырабатывая в голове план, как выбраться из всей этой сказочной свалки с минимальными потерями и хотя бы в своём реальном возрасте.

Глава 10

Я обречённо побрела на кухню, чуть не утонув в подоле своего детского платяца. Даже дверь открыть было не так-то просто — пришлось тянуться на цыпочках и толкать её обеими руками, как будто сражалась с враждебной мебелью.

Кощей сидел за столом, уткнувшись в смартфон, но стоило мне появиться, как он оторвался от экрана, посмотрел на меня с ног до головы... и прыснул. Сначала тихо. Потом громче. А потом просто разразился полноценным хохотом.

Я вскипела в момент.

— У меня вообще-то горе! — воскликнула я, расправляя плечи, насколько это позволяла моя миниатюрная комплекция. — А он тут...!

Кощей, не в сил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.